

Содержание

Часть I

«Со мной ничего плохого случиться не может»

Глава 1	
Колы и двойки	7
Глава 2	
Как меня обижали в «Артеке»	16
Глава 3	
Несчастная любовь	27
Глава 4	
Королева красоты	40
Глава 5	
Врачи запрещают рожать	49
Глава 6	
Неудачные интервью	63
Глава 7	
Как меня выгоняли с работы	69

Часть 2

Чему я у них научилась

Глава 1

Правила жизни моей мамы	79
-------------------------------	----

Первое правило:

«Не умирай, пока живешь»	80
--------------------------------	----

Второе правило:

«Надо уметь меняться»	85
-----------------------------	----

Третье правило:

«Самое главное не умение говорить, а умение слушать»	86
--	----

Четвертое правило:

«Надо уметь уступать»	88
-----------------------------	----

Пятое правило:

«Доверяй»	90
-----------------	----

Шестое правило:

«Ничегонеделание – это очень полезно»	94
---	----

Седьмое правило:

«С мужем надо дружить»	96
------------------------------	----

Восьмое правило:

«Важно понимать, чего на самом деле хочется»	98
--	----

Глава 2

Тетя Зина	101
-----------------	-----

Глава 3

Уроки Сагалаева	109
-----------------------	-----

Глава 4

Мой напарник Сладков	124
----------------------------	-----

Глава 5

Водитель для Нины Витальевны	139
------------------------------------	-----

Глава 6

Аганя	146
-------------	-----

Часть 3

Трудно поверить, но это было

Глава 1

Находка в шкафу **157**

Глава 2

Собака Ньюша **165**

Глава 3

«Пусть вошь погуляет» **171**

Глава 4

Шведская семья по-русски **178**

Глава 5

Успеть до эфира **184**

Глава 6

Бабушка, икона, патриарх **190**

Глава 7

По Китаю без паспорта **203**

Глава 8

Интервью с Ясиром Арафатом **213**

Глава 9

«Я тут одна женщина» **224**

Глава 10

Почему вы не надели ордена? **230**

Глава 11

Визит королевы **241**

Часть 1

«Со мной ничего плохого случиться не может»

Глава 1 Колы и двойки

Многие считают меня отличницей: школа с медалью, университет с красным дипломом и наверняка никаких колов и двоек! Но они были. Как и у многих, я думаю.

Первые колы и двойки встретили меня, конечно, на уроках физкультуры, потому что я была категорически не способна оторвать себя от земли. Я могла перешагнуть через планку, но не перепрыгнуть через нее. Я уж не говорю про «козла», на которого надо было заскочить и потом соскочить — это было невозможно. Помню, как смеялись ребята, а мне было обидно. Я была единственным человеком в классе, кто не мог перепрыгнуть через планку на высоте 40 или 50 см. Но я хорошо бегала, каталась на лыжах, забиралась по канату, поэтому учитель физкультуры как-то закрывал мои двойки пятерками. И это было не так уж страшно для меня.

Следующие колы и двойки были гораздо более травматичными. Представьте: я оканчиваю физматшколу №40 в Нижнем Новгороде (тогда городе Горький) почти на все пятерки. Была только одна четверка — по физике. Эту четверку поставила мне мама, которая преподавала в нашем классе физику и считала, что я знаю на четверку. Я согласна. Те, кто у моей мамы учился на пятерку, обожали физику, чувствовали ее. Обычно если выходишь к доске и отвечаешь правильно — это четверка, а потом мама задавала вопрос на понимание. И я отключалась всегда, как только он звучал, поэтому была совершенно с мамой солидарна — четверка и четверка.

Все наши из физматшколы пошли на радиофак, мехмат, ВМК, физтех, то есть на точные науки. Одна я пошла

*Домашнюю работу в школе я всегда делала быстро.
Иногда на переменках. На этом фото мне 14 лет*

А здесь мы с братом Игорем за его уроками. Мне 8, ему 10

на филологический — к ужасу одних, к удивлению других. Но мне хотелось учиться там, куда рвалась душа. Я писала стихи, песни, читала много книг. Мне казалось, что учиться там будет легко и правильно и так я смогу определиться со своей профессией.

Надо добавить, что это был 1969 год. И в том году, как потом выяснилось, в нашем Горьковском университете проводили эксперимент: на подготовительные курсы взяли мальчиков и девочек из деревень, отдаленных районов Нижегородской области, а еще из других республик — Таджикистана и Узбекистана. Они нормально проучились на подготовительных курсах, сдали экзамен, и набор на филологический был закрыт. Только никто об этом не знал!

Когда я в августе пришла на экзамены, то была уверена: сдавать буду один экзамен — сочинение, потому что я отличница. За него я получила четверку — первую четверку в своей жизни за сочинение. Я понимала, что ошибок нет — у меня их не было никогда. Тему помню до сих

пор — «Юность комсомольская моя». Сочинение я написала в стихах, и, в общем, оно получилось неплохое. Но — четверка.

Я вообще совершенно неконфликтный человек, но я испугалась и даже подала документы — узнать почему. Впереди было много экзаменов, да и вообще эта четверка стала для меня нехорошим сигналом. Мне ответили, что сочинение действительно без ошибок, но оно не отвечает теме. И как тут спорить? Короче, четверка.

Ну хорошо, дальше литература. Я знала наизусть всего «Евгения Онегина». И достался мне как раз Пушкин. Меня попросили прочитать наизусть отрывок про Пугачева из «Капитанской дочки». Прозу — наизусть? Женщина, которая принимала экзамен, отрезала:

— Вы должны это знать.

Я знала про «бунт бессмысленный и беспощадный». Но это не то. И по литературе мне тоже поставили четверку. Это был абсолютный шок.

Я даже не представляла, что дальше со мной будет. Дело в том, что ситуация тогда для меня сложилась очень тяжелая психологически. У нас очень дружная, милая, веселая семья, но мои родители очень дружно и мило уехали на байдарках на реку Печора. Мама любила смотреть всякие диковины в этом мире, и одной из них был Маньпупунёр — огромные каменные столбы, которые спрятались среди девственных лесов Коми. Это и по сей день диковина, но сейчас туда вертолеты летают, а тогда они шли 100 километров по тайге. Никакой связи вообще. Но они были уверены, что я поступлю, да и в принципе у нас в семье не принято водить за ручку.

И вот родители в отъезде, есть больная бабушка, крупная собака, и больше, собственно, у меня ничего нет. А мальчик

Вова, мой будущий муж, в стройотряде. И пока письмо дойдет туда, пока обратно — тоже пройдет неделя.

Но у Вовы был близкий друг Женя, мы с ним вместе в походы ходили — пятеро парней и я. Он встретил меня как раз после этой четверки по литературе. Не знаю, как сердце его подтолкнуло — видимо, были какие-то романтические чувства с его стороны. Я вышла из института, и мир мне показался таким, знаете... Несправедливым! Я знала все, литература была моим любимым предметом, я была победителем областных олимпиад по литературе. Но прозу — наизусть? Я должна знать этот кусок наизусть? И — четверка? И я кинулась к Жене:

— Мне поставили четверку по литературе!!!

И зарыдала.

— И чего ты плачешь? — спросил он. — Это университет должен плакать!

Я на всю жизнь запомнила эту фразу. Она меня очень отрезвила. И дальше я уже смело пошла на экзамен по истории. Там было полное издевательство над людьми. Экзамен принимал молодой профессор — не хочу называть его фамилию, не знаю, жив он или нет, — который понимал, что никого брать нельзя: уже все набраны. Ставьте четверки, выше нельзя! Но повторю, поступавшие этого не знали. И профессор сказал:

— Первые, кто подбежит к столу, получат четверку без экзамена.

И все побежали, опрокидывая парты. Я осталась сидеть. Не то чтобы я такая уж гордая — у меня просто рефлекса нет бежать за какой-то четверкой, спасибо родителям. Я осталась сидеть, чем, конечно, сразу вызвала его дикий гнев. Он поставил всем четверки, нас осталось таких двое — я и еще один мальчик. Я пошла первая, ответила про одну

из русско-турецких войн, память хорошая, мозги неплохие. Все ответила, и тогда он спросил:

— А когда закончилось восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны?

Не было такого в учебниках. Я так прикинула: 52-й, 53-й год...

— Нет, это неправильный ответ. Я могу поставить вам только тройку, потому что это очень важный вопрос.

Тройку! Тройку по истории, с которой у меня никогда не было проблем. И четверок-то не было. Я кивнула:

— Хорошо.

Я помню это свое «Хорошо», а внутри — «Университет должен плакать». Представляете, как было трудно потом этому человеку учить меня, читать мне лекции, смотреть в глаза? Он все прекрасно помнил, и я помнила. Как-то раз он все-таки подошел ко мне:

— Нин, знаешь... Я вот хотел сказать тебе. Бывают такие ситуации в жизни... Ну, ты же от этого только сильнее стала.

— Да, конечно.

Это был такой тип: ему сказали, что надо всех валить, — он пошел всех валить. Веселым образом.

Потом был английский, который я сдала на пятерку. И вот считайте: четыре, четыре, три, пять. Сколько получается? 16 баллов. Проходной балл — 20.

Ну и всё. Я в полном шоке. Приезжают загорелые, пахнущие кострами, ветрами, Печорой родители. Заходят домой:

— Ну, что?

— Не поступила.

— Как не поступила? На филологический?

Им казалось, что это вообще раз плюнуть. И тогда мама сказала папе строгим голосом:

— Витя, одевайся, иди к ректору. Так не должно быть.

Долгие годы папа возглавлял кафедру на радиофаке университета Лобачевского, преподавал там, уже носил редкое звание члена-корреспондента Академии наук СССР (в ту пору таких людей было 200 человек на всю страну). Естественно, с ректором они были отлично знакомы.

Папа редко говорил маме «нет». И еще реже говорил «нет» так жестко. Но тут он отрезал:

— Я никуда не пойду.

И мама тут же умолкла, тут же перестроилась, сказала:

— Ну ничего, пойдешь работать, чего уж там. Поработаешь годик, потом поступишь.

Господи, а все уже поступили, весь класс! А я, звезда, уважаемый человек, с моим знанием литературы, я, которая все сочиняла и организовывала, — не поступила на филологический факультет! Ощущение провала — не то слово. Вообще не хотелось жить.

У меня было удостоверение какого-то там программиста пятой степени, мне сказали, что я могу пойти в математический институт работать на машинах, которые в то время занимали целые километры. Я уже настроилась на это. Даже сходила оформиться на работу, мне дали какие-то анкеты. Я старалась не отвечать на звонки и ни с кем не встречаться, ушла в себя. Моя всегда деятельная мама не знала, что предпринять. Так прошла неделя.

И тут раздался звонок. Папе звонил ректор. С одним вопросом:

— Виталий Анатольевич, я подписываю документы тех, кто не сдал экзамены. Здесь есть документы Зверевой Нины Витальевны. Она имеет к вам отношение?

— Да, это моя дочь.

— Но она не поступила у нас на филологический факультет!

— Да, я в курсе.

— А что же вы не предупредили, что ваша дочь поступает на филологический факультет?

Никогда не забуду, как папа мой ответил:

— Почему я должен кого-то предупреждать, что моя дочь поступает на филологический факультет?

— Виталий Анатольевич, у нас в этом году особый случай. Был преднабор, мы всех набрали. Не было шансов.

— Ну да, не было шансов — как и у других.

Мой отец — он, конечно, совершенно потрясающий! Когда уже стал член-корреспондентом, продолжал ездить на автобусах в Москву, потому что в кассе не было билетов на поезд. Садился на автобус и ехал. Он мог сделать пару звонков, но не делал. А когда мама плакала, что нам так тесно — девять человек в трехкомнатной квартире, — он говорил, что другие живут хуже.

И вдруг снова звонок — надо прийти в университет в приемную комиссию, видимо, за документами. Я пришла, и мне сказали, что оформили меня кандидатом в студенты, то есть свободным слушателем. Я могу ходить на все предметы. И если я хорошо сдам первую и вторую сессии, то меня зачислят.

Я ухватилась за этот шанс, сдала первую сессию на все пятерки, вторую тоже — я все сессии сдавала на одни пятерки! Но настоящим студентом я стала только на третьем курсе, когда мне выдали студенческий билет. Вот такая история была у меня в жизни.

Ну а следующая история связана с аспирантурой, куда меня пригласили в нашем же университете. И это была та еще пытка, издевательство, можно сказать.

У меня было три дороги после университета. Я уже работала на телевидении и могла остаться там — но не было ставки, поэтому только внештатным сотрудником. Могла пойти в газету, куда много писала и куда меня брали. И могла в аспирантуру, куда меня пригласили. Но позвали меня, оказывается, для конкурса: в аспирантуру должен был поступать мальчик, сын какого-то районного начальника, и нужен был солидный конкурс.

Я круглая отличница. И те же самые преподаватели, которые ставили мне пятерки на экзаменах, начали говорить, опустив глаза: «Хорошо, но недостаточно». В результате у меня две пятерки и четверка, а у мальчика три пятерки. В аспирантуру я не поступила.

Меня однажды спросили: что делать, если ваш ребенок страдает, получив оценку несправедливо, незаслуженно? Или вы сами попали в такую ситуацию, где вас оценили «на два», хотя вы стоите дороже? «Пусть университет плачет» — отличная фраза, как мне кажется. Не берите на себя. Бывают в жизни всякие обстоятельства. С вами все в порядке — это главное, что вы должны знать. «За одного битого двух небитых дают» — лучше и не скажешь.

А у моей истории было продолжение! В тот момент, когда я не поступила в аспирантуру, позвонили с телевидения и сказали, что у них есть ставка, — меня взяли в молодежную редакцию редактором.

Была еще история с аспирантурой в МГУ — может быть, еще более болезненная, потому что тот провал стал для меня огромным переживанием. Сергей Александрович Муратов, человек, на которого я молилась и чьи книги знала наизусть, лучший профессор телевидения, сам пригласил меня. Я получила пятерку по специальности, потом еще одну, а потом меня

ждал английский язык, с которым — как мне казалось! — у меня не было проблем. Но в МГУ английский преподают по-другому! На более высоком уровне. Там был настоящий английский, а у нас такой «русский английский». Я не понимала ничего, что мне говорили на экзамене, не понимала, о чем спрашивают. Я получила двойку и предложение идти в соискатели. И тогда вспомнила папу, который сказал:

— Почему ты пошла на филологический? Все те же знания ты получила бы в инязе, но еще бы знала и язык.

Это правильно, конечно. Но я благодарна родителям, которые не давили, а признавали за нами право на ошибку.

Глава 2

Как меня обижали в «Артеке»

Я росла в атмосфере любви, творчества, поддержки в прекрасной семье и очень старалась быть активной. В 12 лет стала председателем совета дружины нашей школы №25. Надо было пройти что конкурс — серьезная история, много желающих, и мальчиков, и девочек, надо было очень постараться. Выбрали меня. И впоследствии наша дружина стала одной из лучших в городе.

Дружинные дела тоже требовали полной отдачи. Помню, как мы смогли собрать больше всех металлома. Потом, правда, приходили хозяева нужных металлических конструкций и слезно просили вернуть их назад, потому что в угаре, порыве, стремлении к победе мы насобирали во дворах много того, что людям было очень нужно. Но дружина стала лучшей — то ли в городе, то ли в районе, уже не помню. И по правилам конкурса председатель совета лучшей дружины получал путевку в «Артек».

Я получила путевку в «Артек». В мае. Меня освободили от школьных занятий, сказали, что уроки будут в «Артеке» и что это будет суперинтересно, потому что каждый сможет выбрать тот предмет, который ему больше нравится. И обучение будет насыщенное, интерактивное. Путевка была, как сейчас помню, с 10 мая, а из Нижнего Новгорода мы выехали 13 или 14 мая, потому что ждали нескольких ребят из области. Путевка была на 40 дней, но все равно было очень жаль терять эти три или четыре дня. Я понимала, что к этому времени все уже приедут и отряды будут сформированы.

У нас был сопровождающий — веселый парень, который рассказывал, какой прекрасный «Артек», как нам повезло. Да, он все правильно рассказывал, но все же приукашивал, потому что знал, что нас везут в лагерь «Кипарисный».

Единственное фото из «Артека».

Удивительно, но с этими девочками мы ровесницы. Я крайняя справа

Только что построенные корпуса стояли на песке, а недавно посаженные кипарисы были не выше 15 сантиметров от земли. А май был жаркий, и тени не было совсем. Надеюсь, что сейчас там мощные кипарисы. Представляете, сколько лет назад это было? Я 1952 года рождения — значит, это был 1966 год.

Ростом тогда я была маленькая — выросла чуть позже, как и мои дети. Есть фотография из «Артека» — там все девочки выше меня. Невысокая, неказистенькая, уже появились прыщики, которые меня очень смущали, как-то тоньше стали косы. Они начинались толстыми, а заканчивались тонкими хвостиками. Сейчас я понимаю, что это просто такой период, когда все в организме меняется.

Всю жизнь я дружила с мальчишками, перенимала их манеры, не умела красиво, мягко, плавно ходить. Так и не научилась, к сожалению. Уметь красиво ходить, танцевать — это очень важно. Бабушка мне рассказывала, что в гимназии за этим следили, она ходила такими маленькими шажками, держала спину. Мама тоже как-то органично это делала. Я — нет. Однажды в пионерском лагере, где я играла роль Снегурочки (был большой успех, как мне казалось), вечером я случайно услышала разговор двух девочек:

— Ну и Снегурочка у нас. Ходит как медведь, голос как у волка, черная, как ворона.

Ужас. Помню, как я рыдала тогда и больше никогда не ходила в Снегурочки. Ну не мой образ точно.

И вот тут мы ехали в «Артек», полные планов! Более того, один из мальчиков сразу начал за мной ухаживать. И какие же мы были идиоты, что не пошли всей нашей компанией в один отряд! Была такая возможность, но мы сосредоточились на выборе любимого предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru